

И.Н. АФАНАСЬЕВ,
заведующий кафедрой русской и мировой литературы
Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины,
кандидат филологических наук, доцент

ПОБЕДЫ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА **Солдатская судьба командарма А.И. Лизюкова***

Командармом Александр Ильич Лизюков станет позднее, весной 1942-го, когда возглавит Пятую танковую армию (в Советском Союзе эти соединения тогда только начинали создаваться). Но первые свои победы белорус, гомельчанин Лизюков одержит именно в 1941-м – в одном, солдатском строю с рядовыми и командирами. Он будет добывать их в горечи и отчаянии июньского отступления, в кровопролитном июльском сражении под Смоленском и победоносном сентябрьском контрударе по врагу под Сумами, в изматывающих оборонительных и наступательных боях с фашистами под Москвой. Летопись его военной доблести и человеческого достоинства украсят имена героев Великой Отечественной войны К.К. Рокоссовского и А.М. Василевского, К.Ф. Телегина и М.Е. Катюкова, партизанского командира П.П. Вершигоры, прозаиков и публицистов фронтового поколения: К. Симонова и А. Кривицкого, Д. Ортенберга и А. Анфиногенова, И. Стаднюка и Ю. Жукова, не говоря о множестве других, менее известных, однако не менее отважных свидетелей и творцов Великой Победы 1945 года. До ее победного салюта Александр Лизюков не доживет. Он погибнет под Воронежем в июле 1942-го и будет числиться без вести пропавшим до весны 2008 года, пока экспедиция поискового объединения «Дон» при участии добровольцев из разных уголков России не обнаружит безымянное братское захоронение, а в нем – останки Александра Ильича и семи неизвестных бойцов. 7 мая 2009 года они с воинскими почестями будут погребены у Мемориала Славы в центре Воронежа, а еще год спустя их подвиг увековечит строгий и величественный монумент, воздвигнутый на могиле героев к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Сегодня, пережив годы забвения и обидных недомолвок, вольных или невольных умолчаний, судьба Александра Лизюкова навсегда стала неотъемлемой частью пантеона советской (и белорусской) воинской славы. Однако масштаб его личности, значение содеянного в самые трудные дни и месяцы противостояния коварному и сильному врагу, похоже, до сих пор нуждаются в ответственном, глубоком осмыслении нашими современниками.

Мне и легко, и непросто говорить об этом человеке.

Легко, потому что чувство огромного уважения и искренней любви к нему – исходное, корневое, родственное. Уроженец Гомеля, сын учителя Ильи Устиновича Лизюкова, Александр был двоюродным братом моей бабушки Лидии Афанасьевны Лизюковой и вместе с младшим братом Петром воспитывался в семье ее отца (моего прадеда) Афанасия Устиновича Лизюкова. Овдовев, Илья Устинович женился вновь, но мачеха не смогла, да и не пожелала заменить приемным сыновьям покойную мать. Старший из трех братьев, Евгений, остался с отцом, а средний и младший были приняты в семью их родного дяди, любовь к которой сохранили до конца своих дней. Воспоминания бабушки о братьях, которые стали для нее родными, всегда были наполнены необыкновенной сердечностью и теплотой. Именно эти, человеческие качества сызмальства формировали для меня облик Евгения (1899 – 1944), Александра (1900 – 1942) и Петра (1909 – 1945) Лизюковых. Все они погибли в той страшной войне.

✉ При подготовке статьи использованы материалы из семейного архива автора и музейных фондов Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль».

Евгений, кадровый военный с гражданской, командир партизанского отряда в Отечественную, – в июле 1944 года, в Беларуси. Петр, полковник-артиллерист, командир 46-й Ленинградской противотанковой истребительной бригады, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза, отдаст жизнь за Родину в январе 1945-го под Кёнигсбергом. О трех братьях скажет проникновенные слова маршал А.М.Василевский в своих мемуарах «Дело всей жизни»: «Я невольно вспоминаю всю гомельскую семью Лизюковых и преклоняюсь перед ней: она дала Отчизне двух Героев Советского Союза» [1]. Однако моему мысленному взору будущие командиры вначале представляли в дерзости и очаровании юности. Бабушка была на восемь лет младше, и гимназист Саша учил ее французскому языку, втайне от дяди и тети, чтобы попотчевать их плодами просвещения в один из праздников. Так и получилось: при большом стечении гостей малышка изумила не только их, но и собственных родителей стихотворением, прочитанным на хорошем французском языке. Правда, сам гимназист-наставник удостоен был не только похвалы, но и порицания за то, что замыслил благородное дело тайком от родителей. Дружба бабушки и братьев с годами становилась все крепче. Словно легкое дуновение тех ушедших лет, трогательных надежд молодости – маленькая фотография задумчивого симпатичного пса на диване с выражением какой-то недосказанности в глубине добрых глаз, за которого на обороте пожелтевшего фото все договорил хозяин – синим карандашным росчерком, выдающим руку Александра Ильича: «Это наша лайка в 34 г. Зовут Вахта. Посмотрите, какая может быть у вас лайка».

Что и говорить, такая семейная память не требует высокопарных клятв в вечной любви к человеку, впоследствии снискавшему заслуженную славу на полях сражений. Тогда отчего же так непросто подобрать слова, которые утвердили бы истинную историческую меру личности и поступков Александра Ильича, явившего и в семейном предании, и в военном подвиге благородство намерений, мужество решений, твердость выбора? Тревожат утрата объективности в оценках, подспудная идеализация того, кто близок, дорог, любим? Возможно, и так. Но грех всё же невелик и легко поправим. Достаточно взять в руки порыжевший листок характеристики на гвардии генерал-майора А.И. Лизюкова, подписанный в 1942 году командующим 3-й Ударной армией генерал-лейтенантом М.А. Пуркаевым, чтобы узнать там о служебных недостатках аттестуемого: «порой личный отрыв от штаба» и «торжественно героический стиль» в военных докладах [2].

Воистину, к штабным высотам Александр Лизюков не стремился, штабов не вождеделел. Начиная с гражданской, когда командовал артиллерийским дивизионом и бронепоездом, военную выучку приобретал в ближнем бою, которого не избегал и в годы Великой Отечественной. Однако всю необходимую для красного командира школу – прошел. Окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, с 1936 года командовал отдельной танковой бригадой имени С.М. Кирова Ленинградского военного округа, был награжден орденом Ленина, в 1940 году преподавал в Военной академии механизации и моторизации РККА, в марте 1941 был назначен заместителем командира 36-й танковой дивизии Западного особого военного округа. В 1935 году А.И. Лизюкову выпала честь в составе военной миссии представлять Красную Армию на танковых маневрах во Франции, в Шампани.

Это очень интересная и в силу ряда причин малоисследованная страница военной биографии Александра Ильича. Недавняя публикация В. Авдеева и В. Карпова «Из революционеров – в разведчики» в российском «Военно-историческом журнале» (2008, № 5) открывает новые факты, еще более укрупняющие фигуру Лизюкова. Его миссию на французских маневрах связывают с деликатным поручением советского Генштаба, который инициировал создание совместной с французами разведывательной службы перед лицом фашистской угрозы в Европе. В досье французской контрразведки значатся два командира, способных командовать танковыми войсками на ближайших маневрах и выступать переговорщиками на столь ответственном невидимом фронте: «дивизионный

генерал Малащенко и бригадный генерал Лизюков». Учитывая общеизвестные (со времен плена в первую мировую войну) европейские связи и контакты маршала М.Н. Тухачевского, под командованием которого Лизюков воевал в гражданскую, разведывательное поручение комбрига отнюдь не выглядит фантастическим допущением.

Были в «школе Лизюкова» и горькие страницы, по известным причинам на целые десятилетия вырванные из биографии Александра Ильича.

8 февраля 1938 года он был арестован по ложному обвинению в участии в военном заговоре и умышленном подрыве боеспособности бригады. Давнее знакомство с М.Н. Тухачевским только усугубляло его положение. Теперь даже план таранить на танке Мавзолей во время парада, инкриминированный подследственному, вполне укладывался в чудовищно-изошренную логику обвинителей. Почти два года Александр Ильич провел в тюрьме НКВД, и более года – в одиночной камере. Истязания не сломили его. Генерал-майор юстиции запаса И.В. Канцев, назначенный в 1939 году членом военного трибунала Ленинградского военного округа, в письме в «Литературную газету» (2 июля 1964 года) вспоминал о мужественном поведении Лизюкова на процессе: «Немало людей я повидал, многих и позабыл. Но Лизюкова запомнил навсегда. Это был настоящий коммунист. Он стоял перед судом в гимнастерке, без ремня... Но сломить его дух, его волю не смогло ничто» [3]. В декабре 1939 года трибунал Ленинградского военного округа оправдывает Лизюкова. Однако цена нечеловеческих испытаний, выпавших ему, будет немилосердно жестокой и для родных. Александр Ильич потеряет отца. Его жена Анастасия Кузьминична и сын Юрий переживут унижительное выселение из ленинградской квартиры. Даже о начавшейся войне с финнами Лизюков узнает только после освобождения и, прочитав о подвигах своих товарищей на фронте в окружной военной газете, которую ему дадут после оглашения оправдательного приговора, не сможет сдержать слез... Воспитанник Лизюкова танкист Дудко за экспериментальные прыжки, названные «вредительством», получит орден «Знак Почета», а за подвиги в финскую войну будет удостоен звания Героя Советского Союза и сложит голову в этих боях.

Возвращение самого комбрига из чудовищного небытия удостоверит справка финансового отдела Управления коменданта города Ленинграда от 9 декабря 1939 года, заполненная аккуратным почерком с чернильными завитушками: «Дано б/командиру 6-й танков. бригады т. Лизюкову А.И. в том, что ему выдано денежное пособие: а) 2^х месяч. окладом 3200-00 + %надб.640-00=3840 б) компенсация за н/отпуск 110-86 к в) 2^х недельное выходное пособие в сумме 437⁵⁰. Всего 4388 рб 36 к (Четыре Тысячи Триста Восемьдесят восемь 36 к). Начфин лку [*подпись неразборчива*]

Такая судьба не учит фальшивой патетике, навсегда излечивает от пафоса реляций. В «торжественно героическом» стиле военных документов Лизюкова, который в начале 1942 года будет командовать 2-м гвардейским стрелковым корпусом (в его составе сражалась и знаменитая Панфиловская дивизия), вероятно, нужно искать что-то другое, и не только почти профессиональное увлечение Александра Ильича литературным творчеством. Достаточно вдуматься в громкие, взволнованные слова из приказа комкора Лизюкова, чтобы понять, как необходим ему был «личный отрыв от штабов», от обезличенного стиля штабных распоряжений, чтобы приблизиться к каждому бойцу, судьбу которого со своей никогда не разделял: «За беспредельную преданность нашей социалистической Родине, великой партии, проявленное бесстрашие при уничтожении фашистской мрази всему личному составу бригады (75-й отдельной морской стрелковой бригады капитана 1-го ранга К. Д. Сушиашвили. – И.А.) объявляю благодарность. Приказываю: всех краснофлотцев, командиров и политработников – участников боев на подступах к Холму, **всех без исключения** (выделено мной. – И.А.) за проявленное мужество и отвагу представить к правительственным наградам» [4]. В ближнем бою «исключений» не бывает: ни для рядовых, ни для командиров. Александр Лизюков знал это не из трудов по военному искусству, прилежным читателем которых (и не только на русском языке, но и на немецком, французском, английском) он был. Свои первые победы

летом 1941 года он одержал, когда штабы сами пребывали в изрядном отрыве от него и полагаться приходилось лишь на себя. Подчиняться – не военному приказу вышестоящего начальника, а человеческому чувству долга, ответственности и порядочности...

Подлинно великие победы нередко начинаются с великого мужества поражений. Отвечая на вопрос Гомельской научной конференции «Великая Отечественная война в судьбе литературы и культуры» (май 2010 года), фронтовик Д.А. Гранин заметил: «Тема войны огромна, и немудрено, что она грешит пробелами. Тут виновны не только авторы, но и цензура и пафос Победы. Хотя если вспомнить “Войну и мир” Толстого, то в этой эпопее главным был не приход русских войск в Париж, а то, что пережила Россия, когда французы вошли в Москву. У нас же все заглушил восторг входа в Берлин и радость взятия Рейхстага. Нам не хватает рассказов о 41 годе, когда так ужасны были взятия Киева, Харькова, гибель наших войск в Крыму. Ошибки тех полководцев, которые, мало того, что совершали неудачные операции, но и не жалели своих солдат. Рассказ о трагедии 1941 года – отступлении – это необходимая часть эпопеи Великой Отечественной. <...> Было бы своевременным отдать должное тем полководцам, которые берегли своих солдат, и тем, кто во имя своей славы, успеха не считался со своими потерями» [5]. 26 июня 1941 года Александру Лизюкову самому пришлось стать и полководцем, и солдатом, и штабом в одном лице. Это произошло на Березине под Борисовом, где немецкий прорыв остановил состоявший из дачных вагонов московский поезд, в котором возвращались из отпусков в свои части или направлялись к новому месту службы, на запад, в Минск, командиры. И среди них – «полковник-танкист, маленького роста седеющий человек, с орденом Ленина на гимнастерке. Вместе с ним ехал на фронт его сын...» [6]. Таким увидел Лизюкова К. Симонов, его случайный попутчик в вагоне. Впервые он рассказал о подвиге Александра Ильича и его шестнадцатилетнего сына-добровольца Юрия в очерке «Июнь – декабрь», который посвятил победе под Москвой и завершил в последний день 1941 года. Спустя много лет К. Симонов вновь напишет о герое-полковнике на Березине в документальном цикле «Разные дни войны» и романе «Живые и мертвые». Тысячи людей из разных частей и окруженцев, прорвавшихся через заслон немцев, которые вышли к Борисову, собрались под городом и были организованы «маленьким полковником» в боеспособное войско: «Полковник вел себя так, как будто ничего не случилось, как будто у него под началом не самые разные, никогда не видавшие друг друга люди, а кадровый полк, которым он командует уже по крайней мере три года. Он спокойным, глуховатым голосом отдавал приказания. В этом голосе слышалась железная нотка, и все повиновались ему» [6]. Переправу через Березину отряд Лизюкова будет удерживать почти две недели, что позволит основным частям Красной Армии выйти из окружения на этом направлении. Но в послевоенные годы «личный отрыв» Лизюкова от штаба обернется тем, что с высокого пьедестала завоеванной Победы уже не так-то просто будет разглядеть его подвиг в ближнем солдатском бою, и горькие и мужественные борисовские дни вместятся в несколько строк «Воспоминаний и размышлений» Г.К. Жукова: «На реке Березине наши войска особенно упорно дрались в районе города Борисова, где сражалось Борисовское танковое училище, руководимое корпусным комиссаром И.З. Сусайковым» [7]. И только «Строевая записка управления Борисовского гарнизона по состоянию на 30.6.41 г.», подписанная начальником штаба полковником Лизюковым, вернет читателя к суровым реалиям ближнего боя, где на счету – каждый боец: комначсостав – 637 человек, младший начсостав – 671, рядовой состав – 5474, всего – 6782. В том числе танковое училище – 1730 человек [8].

Отрадно, что подвиг гомельчанина до сих пор вдохновляет писателей-фронтовиков, которые знают истинную цену всему, что раскрывала в людях великая и страшная война. В романе знаменитого московского прозаика, летчика штурмовой авиации А. Анфиногенова «Фронтовая трагедия. 1942», который вышел в свет в 2008 году, Александр Ильич показан именно в кульминационный момент сражения на Березине. Драматизм судьбы недавнего арестанта позволил писателю придать

трагическому эпизоду первых июньских дней 1941 года высокое символическое звучание, сравнить подвиг на Березине с победой республиканской Франции над прусско-австрийскими войсками при Вальми в сентябре 1792 года. Призрак того стародавнего ристалища всё более явственно витал в послевоенных раздумьях немецких генералов, засевших за мемуары и вспоминавших о небывалой самоотверженности противника, который по всем законам большой войны изначально был обречен на поражение, но вопреки всей логике тяжелых оборонительных сражений – выстоял, победил. О подвиге Лизюкова фронтовик А. Анфиногенов выскажется без всяких обиняков: «...полтора года спустя, в июне 1941 года нечто подобное свершил на советской границе полковник Александр Ильич Лизюков, вчерашний узник Лубянки... <...> ...он жил верой в свободу Отечества и за нее сражался. И несть числа героям таких наших безвестных Вальми, создававшихся на границе сорок первого года, чтобы отозваться потом в Великой Победе сорок пятого!..» [9]

За умелое руководство боевыми действиями войск в районе Борисова и за личный героизм Лизюков был представлен к ордену Красного Знамени, но 5 августа 1941 года отдельным Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза – одному из первых командиров в начальный период войны: «За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и геройство». В описании подвига, которое вместе с портретом Героя было помещено на первой странице газеты «Известия» за 6 августа 1941 года, говорилось: «Александр Ильич Лизюков, начав свой боевой путь в годы гражданской войны красноармейцем-курсантом, вырос в недюжинного военного руководителя... <...> Когда ему поручено было обеспечить переправу наших войск через реку Н., т. Лизюков стал во главе отряда сапер и приданных ему нескольких танков. Противник всеми средствами пытался помешать переправе частей Красной Армии. Артиллерия врага открыла ураганный огонь. Фашистская авиация непрерывно бомбила пункты переправы.

Показывая бойцам и командирам пример личного мужества, сочетая выдержку и умение с военной хитростью, тов. Лизюков обеспечил четкое и своевременное выполнение важного задания командования.

Когда наши войска переправлялись через реку, полковник Александр Лизюков принял удар вражеских сил на свой отряд, отвлекая фашистов, нанося им удары, не давая врагу ни минуты покоя и одновременно исправляя повреждения наведенной переправы.

Когда части Красной Армии были уже на другом берегу реки, полковник Лизюков доложил командованию:

– Задание выполнено. Войска пропущены. Жду дальнейших приказаний» [10].

Снова Борисов, Березина? Нет. Точнее: не только. За этим скупым и в общем стандартным для военной поры сюжетом – ад Соловьевской переправы под Смоленском, военным комендантом которой Лизюков был назначен по личному распоряжению Главнокомандующего войсками Западного направления Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и удерживал ее с июля до начала августа 1941 года, когда она оставалась единственной для отступавших советских войск. Наш выдающийся современник, легендарный журналист «Комсомольской правды», лауреат Ленинской премии В.М. Песков, собеседниками которого в его знаменитой книге «Война и люди» были и маршалы, и простые солдаты Победы, посвятил Александру Ильичу проникновенный очерк «Судьба героя», начав его с подвига Лизюкова у Соловьево: «...каждый год будем мы что-то важное вспоминать из той Великой войны. В ней были большие сраженья, каких не знала история, и были локальные противостояния, тоже известные всем. Вспомним Мамаев курган в Сталинграде, Сапун-гору в Севастополе, Волоколамское шоссе под Москвой. Селение Прохоровка на курской земле. Соловьевская переправа – в этом ряду» [11].

Ничуть не преувеличив, В.М. Песков назовет Соловьевскую переправу «самой драматической точкой в смоленском сражении», «горловиной мешка» [11] между захваченными врагом Ярцевом и Ельней. Ее-то и пытались затянуть гитлеровцы, чтобы надежно отрезать сражавшиеся в окружении на другом берегу Днепра 16-ю и 20-ю армии, которые именно по Соловьевской переправе получали снабжение. Много лет изучая историю этого сражения, неоднократно выезжая в 1970-е годы на место жестоких боев, беседуя с очевидцами, В.М. Песков не только в подробностях восстановил ход событий, но и успел записать бесценные свидетельства из первых уст. И они потрясают. Непрерывная немецкая бомбежка с воздуха, стрельба по переправе из неприятельских танков прямой наводкой, скопище машин, грузов и людей. Днепр, красный от крови ниже села (вспоминала жительница Соловьева Мария Андреевна Мазурова). Лизюков и его бойцы не выходили из боя. К.К. Рокоссовский, оперативной группе которого подчинился отряд Лизюкова, с восхищением будет отзываться в «Солдатском долге» о «безграничной» смелости Александра Ильича, его умении маневрировать малыми силами. Исход Смоленского противостояния, даже сроки неизбежного отступления советских войск решали тогда судьбу Москвы. Сомкнись стальные челюсти гитлеровцев на переправе – и путь на столицу был бы открыт для танковой армады вермахта, на пути которой не осталось бы сколько-нибудь серьезного заслона. Стратегическая оценка положения Красной Армии под Смоленском, сделанная начальником Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдером, к сожалению, была точна: «смоленский котел» [12]. И только «стальная распорка» сводного отряда Лизюкова, с которой образно сравнил его роль И. Стаднюк в романе «Москва, 41-й», не позволила этому произойти, нечеловеческим надрывом разомкнула клещи.

Для фронтовиков Соловьевская переправа стала событием нарицательным, жертвенной, подлинно страдальческой мерой их военного опыта. Характерно, что в произведениях наших выдающихся писателей из плеяды участников Великой Отечественной войны одного упоминания о переправе было достаточно, чтобы скупно, лаконично, но при этом исчерпывающе представить фронтовую биографию литературного героя. Например, в повести Василя Быкова «Болото»: «Хоць капітан Гусакоў ваяваў нядоўга, да цяжкага ранення ў галаву, але хапіла на фронце і яму. Асабліва на пачатку вайны, калі ён з групай пагранічнікаў адступаў ад самага Беластока праз усю Беларусь да Салаўёўскай пераправы, дзе яго і параніла» [13].

Выжив там, где выжить было невозможно, Лизюков 15 августа пишет проникновенное, трогательное своим мужественным, сдержанным лиризмом письмо жене, отвечая на поздравление с золотой звездой Героя: «Мой дорогой друг! Родная моя Тасенька! Получил твое письмо от 6.8.41 г. Искренне тронут твоим вниманием и поздравлением. <...> Как и всегда – ты мне самый дорогой и близкий друг и товарищ, о котором я каждодневно помню и которого люблю. Крепко, крепко тебя обнимаю и осторожно целую – Саша» [14].

И всё же огненная лава войны неумолимо ползла на восток. Ярость отступавших частей Красной Армии перемежалась с отчаянием. О драматизме момента можно судить по «Приказу войскам Западного направления № 04 от 23 июля 1941 г.» Главкома С.К. Тимошенко. Этот документ с грифом «Секретно», поразительный в своей оголенной правде и трагической растерянности первых недель войны, начинается с благодарственных слов лётному составу Военно-воздушных сил Красной Армии, который проявляет исключительное мужество и «большое умение в использовании нашей отличной современной боевой техники». Однако затем клеймит расхожие среди красноармейцев и отдельных командиров наземных войск «позорные толкования» роли нашей авиации, которая – со слов фронтовиков – «не помогает им... не прикрывает их с воздуха и ее не видно на поле боя». Но куда страшнее в приказе другое: признание «массового обстрела своих самолетов», принимаемых за вражеские, из винтовок, пулеметов и «даже зенитных орудий», когда «беспорядочную стрельбу по своим

самолетам ведут не только отдельные группы, а иногда и целые части и соединения». Первый пункт Приказа гласил: «Всему командно-политическому составу разъяснить красноармейцам доблестную работу наших летчиков и их большую помощь в бою нашим наземным войскам» [15]. Трудно представить себе подобную «разъяснительную» работу с красноармейцем, над головой которого висят вражеские самолеты, или всерьез признать действенность пункта 2: «Категорически запретить стрельбу по своим самолетам...» [16]. Но сколько трагизма в этих словах, сколько боли и человеческой обиды за унижительную беспомощность, которая несправедливо-жестоким солдатской судьбой объединила и командиров, и рядовых! Порожившись в неудачах, те, кто выдюжил, дожил, восстал из пепла, стремительно мужали в боях. Каждый успех в битве с врагом, еще вчера – непобедимым, стократ прибавлял сил. Из этого месива сражений возникала наша порода победителей и формировалась новая когорта командиров, полководцев, которые, получив под свое начало корпуса и дивизии, все равно оставались в одном солдатском строю с веренными бойцами.

После Соловьевской переправы полковник А.И. Лизюков возглавил 1-ю Московскую Пролетарскую мотострелковую дивизию, которая в памятные дни на Березине выдвинулась на подмогу Борисовскому гарнизону (тогда ею командовал генерал Я.Г. Крейзер). Ее гвардейские страницы связаны именно с Александром Ильичом. В них вписаны ожесточенные бои с фашистами на Ельнинском выступе, когда дивизия А.И. Лизюкова нанесет немцам успешный отвлекающий контрудар под Ярцевом, и сентябрьское поражение Гудериана под Сумами. Танковый бог Германии будет бит уже гвардейцами А.И. Лизюкова: в числе первых воинских соединений страны 1-я Московская мотострелковая дивизия получит это почетное звание 21 сентября 1941 года.

Ельню и Сумы удивительным образом свяжет не только судьба комдива Лизюкова, но и штабная мозаика Ф. Гальдера. Перелистывая страницы его «Военного дневника», убеждаешься, как умело автор прячет за беспристрастностью и внешней сдержанностью вояки-технаря всё то, что в реальных полевых условиях означало первые чувствительные неудачи немцев. Даже о декабрьском отступлении гитлеровцев под Москвой Ф. Гальдер вплоть до 20-х чисел будет говорить как о «частичном успехе» русских и организованном отходе немцев. Лишь затем прорвутся оговорки о «распаде фронта» [12], хотя всего масштаба советской победы под Москвой читатель так и не ощутит. Что уж говорить о Ельне августа – сентября 1941-го! Или все-таки – говорить? Складывать мозаику, добавляя в нее фрагменты, позабытые потомственным баварским служакой? 5 сентября 1941 года, в 76-й день войны, Ф. Гальдер сделает в «Дневнике» запись о Ельне: «Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. <...> Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования» [12]. 1 октября 1941 года главный германский штабист фиксирует обстановку в районе Сум, куда была переброшена дивизия А.И. Лизюкова: «2-я танковая группа оказалась в тяжелом положении. Она не может вывести из боя свои части... Одному полку 25-й мотопехотной дивизии не удалось оторваться от противника, 9-ю танковую дивизию также пришлось снова ввести в бой, вследствие чего задерживается ее переброска на север (где готовится наступление на Москву. – И.А.)» [12]. Немецкий полк, которому не удастся «оторваться» от противника, – это полк, наступающий на противника или убегающий от него? Ф. Гальдер молчит. О «скрытом отводе войск» под Сумами за него расскажет комдив Лизюков в оперативном документе, датированном 5 октября 1941 года: «По агентурным данным и разведкой 5 ТБр было установлено, что в Печище стоит больше 100 транспортных машин противника. Я решил захватить Печище. Для проведения этой операции приказал выделить один стрелковый батальон 6 мотострелкового полка и два взвода танков. Операция была проведена немедленно, и к исходу дня было установлено, что Печище войсками противника занято не было, а машины были оставлены противником без боя. С рассветом было установлено, что там находилось до 200 автомашин и до 70 мотоциклов» [17]. А.И. Лизюков сообщает, что у него даже не было достаточных сил для эвакуации трофейного

имущества и он вынужден был просить командование армии о выделении для этих целей специального отряда. Такой «скрытый отвод войск» трудно отнести к достижениям германской тактики. Впервые увидев под Сумами, «как бегают немцы», на всю жизнь запомнил это зрелище прославленный партизанский командир П.П. Вершигора: «И первая австрийская и чистокровная немецкая дивизии, побросав всю свою технику, бежали до самого Конотопа. Двое суток наши тягачи уволокивали восьмитонные немецкие машины, груженные всяким барахлом. Двое суток я и мои хлопцы мотались, как угорелые, по подразделениям дивизии и щелкали своими аппаратами. До пятисот машин разных систем стояло в небольшой рощице за хутором Николаевкой. Мы выбрали себе новенький “оппель-блиц”, который всего два месяца назад сошел с конвейера завода и застрял потом в болоте. <...> ... здесь, в сумских степях, я впервые увидел и запомнил на всю жизнь первых гвардейцев Красной Армии. Люди, на лицах которых еще в 1941 году была написана уверенность в победе над сильным и, казалось, непобедимым врагом, шли под Москву...» [18].

В эти же дни А.И. Лизюков отправит глубоко личное, взволнованное письмо жене в Ленинград, лишь несколькими скупыми фразами обмолвившись о впечатляющем военном успехе: «3.10.41 г. Мой родной друг! Тасенька! Крепко, крепко жму твои руки и нежно обнимаю тебя. Знаю, что ты, как и весь город, находишься в тяжелых условиях, но уверен, что фашистским гадам не быть в городе Ленина. <...> Я по-прежнему на фронте. Бьем гадов. Пиши. Твой Саша» [19].

Прорыв гитлеровцев на Орел вынудил советское командование снять дивизию А.И. Лизюкова с юго-западного участка фронта и перебросить ее к Москве. В критические дни Московской обороны гвардейцы-«лизюковцы» насмерть стояли в подмосковном Наро-Фоминске, который несколько раз переходил из рук в руки. Высокое звание «Город воинской славы», которого Наро-Фоминск был удостоен в 2010 году, по праву увековечил их подвиг.

В ноябре 1941 года А.И. Лизюков был отозван из дивизии и возглавил оперативную группу, сражавшуюся с врагом на ближних подступах к столице и вскоре развернутую в 20-ю армию. Ее командующим назначили генерала Власова. Александр Ильич стал его заместителем. Начальником штаба армии был Л.М. Сандалов. После войны генерал Л.М. Сандалов, с достоинством исполнивший воинский долг, расскажет о московском сражении в нескольких книгах мемуаров. О вкладе А.И. Лизюкова в спасение столицы книг не напишут. Предательство Власова в 1942 году бросит густую тень на посмертную судьбу Александра Ильича. Проклятье Власова словно наложит печать молчания на уста тех, кто мог и должен был рассказать о том, что именно наш соотечественник, белорус Лизюков в декабре 1941 года осуществлял непосредственное руководство частями 20-й армии: и в боях у Красной Поляны, откуда прорвавшиеся немцы могли прицельно обстреливать важнейшие объекты Москвы, и в наступательной фазе сражения, когда 20-я армия развивала контрнаступление на стратегическом Солнечногорско-Волоколамском направлении. Именно А.И. Лизюкову, который бился за Москву у Соловьево под Смоленском, отвлекал на себя силы фашистов под Ярцевом, сковывал танковые соединения врага под Сумами, держал Наро-Фоминский рубеж, выпало в декабре нанести агрессору последний, самый главный удар в этой затянувшейся битве: опрокинуть его по фронту 20-й армии, отбросить от Москвы.

Можно понять деликатность «проблемы Власова» в оценке стратегического успеха Красной Армии в декабре 1941 года. Советские историки, ссылаясь на документальные свидетельства того времени, говорили о длительной болезни номинального командарма после выхода из Киевского окружения, вследствие чего в развертывании вверенной ему армии он просто не мог принимать участия. Конечно, можно с определенным недоверием относиться к этим выводам и искать им идеологическое объяснение. Однако доступность архивов, открытых в последнее время, убеждает в другом: именно стремление преподнести фигуру Власова в качестве «спасителя Отечества» под Москвой 41-го

вскормлено откровенным идеологическим интересом, в основе которого в конечном счете лежит попытка переписать всю историю Великой Отечественной войны под благовидным предлогом «нового осмысления», вывести ее из безусловных, абсолютных координат добра и зла. Скрупулезно исследуя тему генерала Власова под Москвой, доктор исторических наук Анатолий Пономарев в статье «Какая он свинья...» (так аттестовали новообращенного союзника сами гитлеровцы), опубликованной в авторитетном российском историческом журнале «Родина», итожит: «...“спаситель Москвы” никакого участия в обороне столицы не принимал. Мало того, не участвовал он и в боях 2 – 20 декабря, когда 20-я армия отбивала последние попытки немцев ворваться в Москву, освободила затем Красную Поляну, Солнечногорск и Волоколамск. И всё это было достигнуто под руководством не Власова, а Сандалова и заместителя командующего армией полковника А.И. Лизюкова» [20]. Справедливости ради заметим, что в последние годы, еще до публикации в «Родине», историки-архивисты получили в свое распоряжение некоторые оперативные документы 20-й армии, подписанные именно Власовым, поспешив объявить о ликвидации очередных белых пятен советской исторической науки. Однако любопытно другое. Даже не то, что первый из известных документов подписан Власовым 7 декабря 1941 года (то есть уже никак не второго, когда судьба столицы висела на волоске в Красной Поляне). Отнюдь не безупречной представляется история появления этих документов командарма, который прибывает на КП армии только в третьей декаде декабря. А. Пономарев убийственно точно покажет, каким растяжимым понятием может быть «действующая армия» в случае с Власовым: «Чтобы погасить слухи о том, что 20-я армия идет вперед без своего командарма, 16 декабря Совинформбюро организовало даже интервью Власова одному из американских журналистов якобы из штаба армии: в действительности беседа велась в госпитале, где генерал долечивался» [20].

Иные факты – не менее красноречивы.

Доктор исторических наук, полковник Д. З. Муриев в своей книге «Провал операции “Тайфун”» по часам восстанавливает операцию 20-й армии и роль Александра Ильича в ее успехе, опираясь на конкретные архивные данные Министерства обороны СССР (ф. 373, оп. 6631, д. 4, л. 13): «К 9 часам 12 декабря к юго-восточной окраине города вышел передовой отряд 20-й армии – 31-я танковая бригада полковника А.Г.Кравченко. Разведка установила, что основные силы вражеского гарнизона отвлечены боем с 55-й стрелковой бригадой (1-й ударной армии, которая в полосе 20-й армии подошла к северо-восточной окраине Солнечногорска. – И.А.). Поэтому было решено немедленно атаковать. Танкисты смелым броском ворвались на южную и юго-восточную окраину города, но вскоре оказалось, что сил передового отряда явно недостаточно (в бригаде в это время осталось всего лишь 10 танков). 35-я стрелковая бригада, следовавшая за передовым отрядом, находилась в 5 км юго-восточнее города. Заместитель командующего армией Герой Советского Союза полковник А. И. Лизюков, находившийся в это время в 31-й бригаде, на бронетранспортере прибыл в 35-ю стрелковую бригаду и направил ее на Солнечногорск. Бригада, тесно взаимодействуя с передовым отрядом, развила его успех и полностью освободила город. Активное участие в освобождении города приняла и 55-я стрелковая бригада полковника Г. А. Латышева» [21]. (В нашей домашней библиотеке как дорогая реликвия хранится экземпляр книги Д. З. Муриева с дарственной надписью К. Ф. Телегина, в декабре 1941-го – члена Военного Совета Московской зоны обороны, и его правками на полях, решительными уточнениями и волевым подчеркиванием фамилии «Лизюков» на странице, где речь идет о взятии Солнечногорска).

И всё же, встретив новый 1942 год во вверенных ему войсках, генерал Власов сам успел ответить на вопрос о роли А.И. Лизюкова в прошедших боях. Его свидетельство – весомее многих иных доказательств. В представлении Александра Ильича к ордену Ленина, подписанном командармом Власовым 4 января 1942 года, говорилось (цитирую с сохранением стилистики оригинала): «Тов. Лизюков с 30.XI.41 г. по 1.I.42 г. **все время**

руководил боевой деятельностью войск 20 Армии (выделено мной. – И.А.). 1. и 3.12.41 г. т. Лизюков лично водил 1106 полк 331 сд в атаку и по заданию т. Булганина по его личному героизму овладели д. Горки. Солнечногорск захвачен под руководством т. Лизюкова и он один из первых вошел в город» [22]. 9 января 1942 года Власовым было подписано представление Л.М. Сандалова к ордену Красного Знамени, отмечены его подготовленность в оперативном и тактическом отношении, организации операций и личная храбрость, которую начштаба проявил «находясь неоднократно на передовой линии фронта» [23].

В январе 1942 года А.И. Лизюков получил звание генерал-майора и был назначен командиром 2-го гвардейского стрелкового корпуса, который под командованием Александра Ильича с боями, по февральскому бездорожью совершал стокилометровый марш-маневр от Старой Руссы до Холма, сдерживал натиск немцев, пытавшихся прорваться к осажденному гарнизону города, оккупированного врагом. Трудности не пугали Лизюкова. В зимнюю кампанию 1942 года он вступал, окрыленный Московской победой. «Боевые друзья, сталинские гвардейцы! Перед нами поставлена почетная задача – уничтожить немецко-фашистских захватчиков, – говорилось в воззвании, подписанном командиром корпуса. – Мы должны опрокинуть расчеты врага. Отделать его за зиму так, чтобы к весне не собрал он своих поганых костей, чтобы в порошок были перемолоты вшивые полчища людоеда Гитлера.

При наступлении могут быть трудности. Бояться этих трудностей нечего. Еще полководец Суворов говорил: “Тебе тяжело, но знай, что и врагу тоже не легче”.

Сейчас – зимой решительным ударом надо опрокинуть врага.

Сотни тысяч советских людей, наших братьев и сестер, отцов и матерей, изнывают под фашистским игом. Они ждут...» [24].

К сожалению, близость решающего перелома оказалась обманчивой. Ржевская страда, крупное стратегическое поражение Красной Армии под Харьковом, в районе Изюм-Барвенково, тяжелые оборонительные сражения на юго-западном направлении со всей беспощадностью поставят вопрос о судьбе Отечества, в которой Александру Ильичу вновь предстояло сыграть героическую и трагическую роль.

Глухой рокот грядущего чудится в письме из редакции газеты «Красный воин», которое 25 марта 1942 года было отправлено Лизюкову. Ответственный редактор «Красного воина» просит Александра Ильича («Мой дорогой генерал!») подготовить третье, доработанное, издание его книги «Что надо знать воину Красной Армии о боевых приемах немцев». В этом не было бы ничего удивительного («...Ваша книга получила широкое распространение и популярность... Ею пользуются как пособием при подготовке бойцов и командиров...<...> ...надеюсь, что если Вы в условиях напряженного ноября сумели под Москвой урвать энное количество часов и написать очень нужную книгу, то и сейчас, когда требуется сравнительно небольшое время, Вы его найдете...», – уговаривает Лизюкова редактор), если бы не новые проблемы, на которые обращают внимание автора: «...есть крайняя необходимость <...> ввести новый и обстоятельный раздел о том, как немцы строят и обороняют населенные пункты, укрепленные районы и узлы» [25]. Эта просьба – прямой и горький отзвук неудачи в Ржевском сражении, изнурительной осады города Холм, превращенного гитлеровцами в неприступную крепость. Тот самый приказ комкора Лизюкова о награждении «всех без исключения» стал следствием именно этих изматывающих боев за немецкую «цитадель» (перекличка с известным фильмом Никиты Михалкова здесь вряд ли будет случайной). С другой стороны, весьма примечательно, что выполнить эту работу просят Лизюкова, признавая тем самым его роль как военного стратега и тактика, наученного собственным опытом. А летом 1942 года, под Воронежем, главное командование уже не будет считаться с доводами Лизюкова по характеру ввода его танковой армии в бой. Жестокая ирония истории обнаружит себя в строчках письма Александру Ильичу из редакции «Журнала Автобронетанковых Войск», с самой Красной площади (адрес журнала), от 6 июня 1942 года. В этом письме

ответственный секретарь журнала генерал-майор танковых войск М. Чернявский, уведомляя адресата о том, что с июня 1942 года журнал возобновляет свое издание, по сути дела, в числе первых обращается к Лизюкову и просит его подтвердить согласие написать статью на тему: «Организация взаимодействия танков с пехотой, артиллерией и авиацией по этапам боя» [26]. Была ли написана эта работа – мне неизвестно. Зато доподлинно известно другое: под Воронежем эта задача перестала быть теоретической, а командарма лишили всех обязательных слагаемых ее решения...

Формирование крупнейших танковых соединений Советского Союза (корпусов, а затем и первых танковых армий) происходило под личным контролем Сталина. Это явствует из служебных тетрадей заместителя командующего бронетанковыми войсками Красной Армии, генерал-полковника танковых войск Н.И. Бирюкова, опубликованных с профессиональными комментариями историка Е.Н. Цветаева в 2005 году и включивших более 90 телефонных разговоров с Верховным Главнокомандующим. Сталин непосредственно следил за комплектованием танкового корпуса А.И. Лизюкова «в очень сильном составе из четырех танковых бригад» [27], куда Александр Ильич получил назначение весной 1942 года, чтобы вскоре возглавить сформированную на основе его 2-го корпуса 5-ю танковую армию. Серьезность приготовлений указывала на стратегический уровень боевых задач, которые должна была решить армия.

Танковая армия А.И. Лизюкова выдвигалась в район Воронежа. Оборонительное значение города по-разному оценивалось советским и германским командованием. Ставка рассматривала Воронеж как форпост на пути немецких войск, снова нацеленных на Москву. Между тем гитлеровский штаб планировал бросок на юг, к бакинской нефти и Сталинграду, и именно с этих позиций учитывал военный потенциал Воронежа, предполагая не втягиваться в затяжные бои, чтобы не потерять темп операции, конечная цель которой стала неожиданностью для командования Красной Армии. В свою очередь 5-я танковая армия должна была нанести удар во фланг наступающему на Воронеж врагу, разгромить его и добиться решающего преимущества. К началу июля обстановка под Воронежем стала критической. С. А. Микоян, сын сталинского наркома, рассказывал о тех днях со слов своего дяди Гая Лазаревича Туманяна, который по просьбе Лизюкова был переведен вместе с ним из 2-го гвардейского стрелкового корпуса в 5-ю танковую армию на должность военного комиссара: с пистолетами в руках они с Лизюковым остановили бегущую в панике пехотную часть и организовали оборону... Впрочем, стратегический штабной замысел Верховного командования такими деталями себя не утруждал. Его цели скользили поверх неопределенности, смятения и рукопашных. Армия А.И. Лизюкова только сосредоточивалась для мощного удара (кулаком, а не растопыренными пальцами, как доказывал руководству Лизюков), а приказ о наступлении был уже отдан. Для устранения нераспорядительности Брянского фронта, в подчинении которого находилась 5-я танковая армия, и скорейшего ввода ее в бой Сталин на один день 4 июля отправляет А.М. Василевского в район Ельца, где разворачивалась армия А.И. Лизюкова и располагался штаб фронта, и лично отдает приказ о вводе ее в бой. Фактически – по частям: латать дыры немецких прорывов, разрушать боевые порядки наступающего врага, цепенеющего от такой ярости противника. Предвидя судьбу армии, спешно брошенной в бой, но все-таки надеясь на чудо самопожертвования ее бойцов и командиров, Сталин, по свидетельству Н.И. Бирюкова, лично будет распределять подкрепления для 5-й танковой. Но он же 17 июля произнесет роковые слова своего последнего распоряжения по Лизюкову: «...армии Лизюкова уже не существует. <...> ... больше Лизюкову для армии ничего не отправлять» [27]. А 18 июля последний приказ по армии подпишет командарм: «Приказом Ставки Верховного Главного Командования 5-ая Танковая Армия расформируется. <...> Не одна тысяча фашистов полегла на наших полях под ударами бойцов армии, не одна сотня танков, посмевавшая топтать землю нашей родины, нашли свой конец.

Славные боевые соратники бойцы, командиры и политработники, расставаясь с Вами и убывая по приказу Ставки Верховного Главного Командующего к новому месту службы, я и Комиссар Армии уверены, что после короткой передышки, необходимой для восстановления материальной части – Вы, все по-прежнему еще с большей силой будете наносить мощные удары по врагу до полного его уничтожения.

Пусть знает враг, что танкисты готовы отомстить за своих боевых товарищей, павших в боях за родину.

Слава героям, павшим в боях!

Слава храбрым, мужественным, героическим защитникам нашей Родины!» [28].

Последнее слово командарма Лизюкова было обращено к Солдату. Не о состоянии боеспособности армии и ее материальной части после непрерывных кровопролитных боев думал он и тогда, когда прямо возражал Верховному Главнокомандующему против расформирования 5-й танковой: ее солдат был достоин благодарности, а не клейма неудачника, пораженца. Для полководца, который выдержал испытание 1941-м годом, это было неизмеримо важнее учетных единиц техники и боекомплекта.

Удар 5-й танковой армии не привел к перелому. Однако враг захлебнулся в Воронеже и так и не смог полностью овладеть городом, который до сих пор поклоняется подвигу танкистов Лизюкова. Сковав противника в жестоком сражении, оттянув на себя значительные силы, они выиграли драгоценное время для организации отпора врагу на южном направлении. Это промедление стоило генерал-фельдмаршалу фон Боку поста командующего группой армий «Б», с которого его снял разъяренный Гитлер, едва не отправивший вслед и начальника штаба группы [12].

А.И. Лизюков был переведен Сталиным на должность командира 2-го танкового корпуса. Он так и остался полководцем с солдатской судьбой и погиб в ближнем бою, прорываясь к окруженной бригаде. Командиру танкового взвода Т-34 27-й танковой бригады лейтенанту К. А. Степчкову, раненному в сражениях на Воронежской земле, довелось быть очевидцем того, как «бомбили фашисты бригаду КВ, которую командарм вел в бой», о чем в 1970-е годы он сообщил в письме в Гомельский музей. Ему же в числе первых пришлось узнать, что «ни один танк КВ не вернулся из боя», и услышать от «раненного командира взвода нашей роты, участника боя, что убит генерал Лизюков А. И.» [2]. Смелый маневр, который в декабре 1941-го под Москвой обеспечил победу в боях за Солнечногорск, в июле 1942 года под Воронежем завершился трагедией. Могила генерала осталась на территории, захваченной противником, и была обнаружена лишь спустя 66 лет после войны. Последнюю точку в истории гибели Александра Ильича и поиска его захоронения поставил воронежский историк и поисковик, командир поискового отряда Воронежского государственного аграрного университета имени К.Д. Глинки Александр Курьянов, опубликовавший в 2011 году книгу «В поисках легендарного командарма» [29].

«Доблестный командарм», как помянет Александра Ильича в мемуарах А.М. Василевский, в памяти скромных, самоотверженных тружеников 5-й танковой армии навсегда останется человеком чести, который наравне с рядовыми делил все невзгоды фронтовой жизни. Его запомнили командиром, который не любил церемониальной парадности, генеральскому мундиру предпочитал синий танкистский комбинезон со Звездой Героя на груди и – почему-то – немецкий автомат в руках, бойцов называл «ребятишками» и «сынками», подробно расспрашивал их о семье и доме, а после изнурительных бомбежек вопреки всем инструкциям мог по открытой связи отдать распоряжение по доставке провианта изголодавшимся под обстрелом бойцам (судьба подарила мне счастливую возможность узнать эти бесценные подробности из первых уст – от радиста штаба 5-й танковой армии Василия Ивановича Ольховика, последнего ветерана Великой Отечественной войны в его родном далеком сибирском селе). Расхожее выражение «отец-командир» у А.И. Лизюкова приобретало исконный смысл. Как много должен сделать человек, какой щедростью души обладать, чтобы заслужить слова,

которые на обороте своей фотографии, подаренной Александру Ильичу и Анастасии Кузьминичне Лизюковым, написал адъютант командарма капитан Владимир Пендак: «Дорогой мамаше Анастасии Кузьминичне и отцу Александру Ильичу от сына. Кто пестил, кто растил, кто в люди выводил – тому жизнью я повинен. Володя. 20.IV.42 г.» [30]. Как и его командир, летом 1942-го под Воронежем Владимир Пендак тоже будет искать для себя судьбы не штабной, а фронтовой, «окопной» и погибнет в бою, сгорит в танке почти в одно время с гибелью Александра Ильича...

Когда тысячи воронежцев в светлый майский день провожали в последний путь генерала А.И. Лизюкова и его боевых товарищей, подумалось: именно сейчас герои минувшей войны вернулись из своего последнего боя, чтобы проститься с нами. Вернулись победителями, потому что тогда, 7 мая 2009 года, у Мемориала Славы воочию и незримо стояли не только Воронеж и Гомель, но вся Россия и вся Беларусь. Потому что в те мгновения у каждого в груди трепетало сердце нашего великого Отечества, которое на ближних рубежах Москвы в 41-м защищал и сберег белорус Александр Лизюков. Полководец с солдатской судьбой...

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. *Василевский, А.М.* Дело всей жизни / А.М. Василевский. – М.: Политиздат, 1973. – 542 с.
2. Архив музея Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». Ф. 7. Д. 259.
3. *Канцев, И.В.* Это был настоящий коммунист... / И.В. Канцев // Литературная газета. – 1964. – 02 июля.
4. Музей Холмского района. – Режим доступа: http://kholm-h.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=51:2009-09-05-07-55-31&catid=38:2009-08-22-12-42-36&Itemid=62. – Дата доступа: 07.03.2011.
5. Великая Отечественная война в судьбе литературы и культуры: исторический опыт как мировоззренческий и моральный выбор / ред.-сост. И.Н. Афанасьев. – Мозырь: Белый Ветер, 2011. – 467 с.
6. *Симонов, К.М.* Собрание сочинений: в 10 т. / К.М. Симонов. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 11 (дополнительный): Очерки и публицистика. Статьи и заметки о литературе и искусстве. – 647 с.
7. *Жуков, Г.К.* Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М.: Издательство Агентства печати Новости, 1969. – 736 с.
8. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29.
9. *Анфиногенов, А.З.* Фронтовая трагедия. 1942 / А.З. Анфиногенов. – М.: ООО «Издательско-дизайнерский центр “Александр Пересвет”», 2008. – 336 с.
10. Известия. – 1941. – 6 августа. – С.1.
11. *Песков, В.М.* Судьба героя / В.М. Песков // Великая Отечественная война в судьбе литературы и культуры: исторический опыт как мировоззренческий и моральный выбор / ред.-сост. И.Н. Афанасьев. – Мозырь: Белый Ветер, 2011. – С. 356 – 363.
12. *Гальдер, Ф.* Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942) / Ф. Гальдер. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. – 704 с.
13. *Быкаў, В. У.* Балота. Знак бяды: Аповесці / В.У. Быкаў. – Мінск: ГА БТ «Кніга», 2001. – 496 с.
14. Фонды музея Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». Д. 912. КП 17163/44.
15. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 21. Л.1.
16. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 21. Л.2.
17. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 52.

18. *Вершигора, П.* Люди с чистой совестью / П. Вершигора. – Кишинев: Издательство «Картя Молдовеняскэ», 1975. – 767 с.
19. Фонды музея Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». Д. 912. КП 17163/45.
20. *Пономарёв, Анатолий.* «Какая он свинья...» Еще раз о генерале Власове / Анатолий Пономарёв // Родина. – 2010. – № 5. – С. 58 – 62.
21. *Муриев, Д.З.* Провал операции «Тайфун» / Д.З. Муриев. – М.: Воениздат, 1972. – 368 с.
22. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Е.х. 6. Л. 4.
23. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Е.х. 7. Л. 151.
24. Фонды музея Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». Д. 912. КП 17163/5.
25. Фонды музея Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». Д. 912. КП 17163/91.
26. Фонды музея Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». Д. 912. КП 17163/92.
27. *Бирюков, Н.И.* Танки – фронту! Записки советского генерала / Н.И. Бирюков. – Смоленск: Русич, 2005. – 480 с.
28. Фонды музея Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». Д. 912. КП 17163/21.
29. *Курьянов, А.В.* В поисках легендарного командарма: документальный очерк / А.В. Курьянов. – Воронеж: ФГО ВПО «Воронежский государственный аграрный университет имени К.Д. Глинки», 2011. – 114 с.
30. Фонды музея Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». Д. 912. КП 17163/76.